

нимики³ и утверждению, что младшая дочь Юрия Львовича к 1319 г. могла достичь брачного возраста. Зато я не стал бы категорично отвергать возможность женитьбы

Любарта Гедиминовича на дочери одного из Юрьевичей (скорее всего, Андрея).

С. С. Пашин

Макаров Д.И. Антропология и космология Св. Григория Паламы (На примере гомилией). СПб.: Изд-во О.А. Абышко, 2003. 539 с.

Монография Д.И. Макарова лежит в русле ставших исключительно актуальными, если не сказать модными, направлений интеллектуальной и персональной истории. Однако в отличие от большинства работ, выполненных в этом жанре, она не сужает сферу обзора до одного-единственного рефлексизирующего, пусть и весьма неординарного субъекта, не сводит познавательный дискурс до одной точки, а напротив, идя от умственного взора индивида, максимально расширяет панораму видения прошлого. Самим актом выдвижения на первый план своего исследования проблемы византийского общества и человека Д.И. Макаров задает контуры особой сферической оптики, исходной точкой которой является сознание отдельной личности, а вероятностным финалом — космический порядок. Возможно, на своеобразии методологического подхода исследователя повлияла византийская мыслительная техника с ее базовыми категориями архетипа, микрокосма и макрокосма. В любом случае именно эти нюансы методологии Д.И. Макарова определили очевидную новизну, впечатляющую масштабность и результативность исследовательского поиска.

Личность Григория Паламы, главного, но не единственного персонажа рецензируемой работы, сына сенатора, жившего и воспитывавшегося при императорском дворе, отказавшегося от возможной карьеры царедворца, посвятившего себя слу-

жению церкви и сменившего столицу на провинцию, предстает настолько универсальной, настолько охватывающей все стороны мироздания — общество, государство, хозяйство, человек в его психофизической сущности, божественный план, — что она оказывается если не равновеликой, то ничем не уступающей энциклопедически мыслившим отцам церкви. Не случайно Д.И. Макарову потребовалось обращение к почти тысячелетней восточнохристианской интеллектуальной традиции, дабы уяснить *loci communi* и нетривиальность умственной культуры Паламы. Автору едва ли не впервые в византиноведении, причем не только российском, удалось достаточно полно и убедительно реконструировать политическую доктрину Паламы, его социальную теорию, экономическую концепцию, антропологию и теологию византийского интеллектуала эпохи Палеологовского Возрождения.

В социально-политических построениях Паламы в том виде, в каком они презентированы в монографии, особый интерес представляют идеи, предвосхищающие постулаты современной конфликтологии. Будучи противником насилия, сторонником социального мира и единомыслия, Палама понимал неустранимость противоречий в обществе, разделенном на богатых и бедных, состоявшем из различных социальных, политических и религиозных групп, однако признавал возможность минимализации конфликтогенности.

³ Двое из шести сыновей тверского князя (Лев и Андрей), а также некоторые внуки могли быть названы в честь галицко-волинских родственников гипотетической Анастасии Юрьевны.

Предпосылками такого устройства социального мира могли быть благочестие властвующих, прежде всего императора, воздержание от перемен в обществе, всегда влекущих за собой нарушение существующего равновесия, недопущение крайностей сверхбогатства и нищеты, главной причины конфликтов, отказ знати от чрезмерного присвоения земельной собственности, возвращение части земель в общее достояние; особую роль в регулировании и гармонизации социальных отношений Палама отводил интеллектуалам.

Не менее впечатляющи усилия Д.И. Макарова в воссоздании паламистской антропологии и теологии. По характеру мировоззрения исследователь относит Паламу к так называемому «христианскому гуманизму», главным выразителем и даже основателем которого принято считать Эразма Роттердамского, действовавшего на полтора столетия позднее византийского мыслителя, и аргументация ученого здесь весьма основательна. Человек в концепте Паламы, довольно тонко прописанном в рецензируемой монографии, обладает разумом, то есть способностью познать истину, а также свободной волей, то есть внутренней духовной силой, направленной к истине, Богу, и именно эти качества человека обуславливают возможность гармоничного взаимодействия верующих в обществе; неправильное употребление свободной воли, согласно паламистской антропологии, ведет к грехопадению и смерти, и наоборот, правильное употребление свободной воли ведет к бессмертию в духе, к миру абсолютных ценностей. Очень ценны наблюдения автора о паламовых дефинициях «души», «духа», «ума», «рассудка», в которых наблюдается синтезирование античного и святоотеческого мыслительного опыта.

Исследователь занимает достаточно осторожную, не свойственную его возрасту позицию, словно бы не

претендующую на ревизию устоявшихся взглядов на природу и смысл византийского гуманизма и Палеологовского Возрождения, но тот богатый и качественный материал, который предоставляет в распоряжение византийских его монография, заставляет иначе воспринимать поздневизантийскую культуру, чем это до сих пор виделось. Особенно примечательны здесь наблюдения автора рецензируемого труда о «курбаниях», ритуальных жертвоприношениях, которые совершались в период восстания зилотов и к которым были причастны православные священники. Византийский Ренессанс приобретает здесь смысл не столько созерцательного, чисто интеллектуального движения, сколько реставрации эллинского язычества со всей его реальной культовой практикой. Возможно, и доренессансное состояние византийской культуры получит новое понимание. Повидимому, сосуществование в византийской действительности множества самых разнородных традиций и духовных практик, античных, эллинистических, ориентальных, христианских, приводило не к полному исчезновению самых неприемлемых с точки зрения ортодоксии обычаев, а перемещению их в скрытое, латентное состояние; в периоды катаклизмов и потрясений, когда стихийно актуализировались архетипические способы реагирования на внешние, нарушающие привычный ход событий изменения, происходило и возвращение в актуальное состояние, казалось бы, забытых, языческих ритуалов.

Монография выделяется высокой языковой культурой, безупречным стилем презентации результатов исследования, отличающимся удивительной ясностью слога даже при описании самых сложных явлений византийской антропософии.

А.Г. Еманов